

Глава 1

Даже тень скандала может погубить леди.

Мисс Селлани

Если бы леди Милфорд не получила в последний момент приглашение на ужин с членом королевской семьи, она бы ни за что не отправилась в банк в такой поздний час. И она никогда бы не обнаружила другую юную леди, имевшую право носить волшебные туфельки.

Входя в банк, Кларисса вздрогнула от резкого порыва холодного апрельского ветра. Небо затянули тяжелые тучи, ускорившие наступление темноты. Такой вечер хорошо провести дома, сидя у камина. Однако она была еще не настолько стара, чтобы получать удовольствие от сидения в кресле-качалке с одеялом, покрывающим ноги. Кроме того, никто не может игнорировать приглашение в Сент-Джеймский дворец. И по такому случаю не надевают обычные драгоценности — вроде тех, что она держала в домашнем сейфе. Для такого события нужна ее самая ценная диадема.

В банке горели газовые лампы. Их свет отбрасывал теплый отблеск на отполированные дубовые столы, стоявшие вдоль стен, где кассиры обслуживали последних посетителей. Приближалось время закрытия.

К Клариссе поспешил менеджер — мужчина средних лет в черном костюме.

— Моя дорогая леди Милфорд, чем я могу вам помочь?

— Добрый вечер, мистер Тэлбот. Мне необходим доступ к моей банковской ячейке.

Менеджер повел ее к двери, Кларисса остановилась, чтобы расписаться в регистрационной книге. После чего вошла в хранилище, где вдоль стен располагались металлические ячейки. Тэлбот выбрал ключ из объемистой связки, открыл дверцу и достал металлический ящик, который отнес в отдельный кабинет и поставил на небольшой столик. После этого он тихо вышел, оставив Клариссу наедине со своими ценностями.

В ящике лежали кое-какие документы и самые ценные украшения. Кларисса взяла черную бархатную коробочку, подняла крышку и взглянула на великолепную диадему. Изумительные бриллианты, казалось, подмигивали ей в золотистом свете лампы. В центре располагался самый крупный бриллиант — необычного фиалкового оттенка. Он замечательно подходил к ее глазам — по крайней мере, так сказал принц, подаривший ей это украшение много лет назад.

Губы Клариссы тронула грустная улыбка. Ох, как же ей не хватало этого мужчины... Слишком недолго он был ее пылким возлюбленным.

Все еще погруженная в воспоминания, Кларисса вышла в хранилище, чтобы позвать менеджера. Внезапно дверь соседнего кабинета распахнулась, и оттуда выбежала какая-то женщина — напрямик в ее сторону.

В следующую секунду незнакомка врезалась в нее, покачнувшись, но все же устояла на ногах. А вот Клариссе повезло меньше — ее отбросило к стене, и она довольно больно ударилась плечом. Коробочка тотчас выскольз-

нула из ее руки, крышечка открылась — и бриллиантовое кольцо выпало на пол.

— Боже мой! — вскрикнула незнакомка. Она быстро наклонилась, подобрала коробочку и вернула туда украшение.

Это была крепкая полногрудая женщина, одетая по последней моде. На ней красовалась накидка из темно-красного кашемира поверх платья цвета зеленого яблока, украшенного несколькими рядами оборок по подолу. Тонкая вуаль шляпки частично скрывала ее лицо, но в какой-то момент Кларисса успела заметить черные кудрявые локоны, широко раскрытые голубые глаза и чуть грубоватые черты. Это лицо показалось ей знакомым.

Присев в глубоком реверансе, женщина сказала:

— Миледи, прошу меня простить. — С этими словами она выбежала из хранилища.

Миледи?.. Очевидно, женщина ее узнала. Но кто же она такая?

Кларисса тоже вышла из хранилища, хотя и не с такой поспешностью. Она сразу же увидела эту женщину, быстро направляющуюся к выходу. Каблучки женщины громко стучали, и она, казалось, очень нервничала. Охранник распахнул перед ней дверь, и женщина тотчас исчезла из виду. А Кларисса снова задумалась.

Миссис Китти Пэкстон?.. Да-да, именно так ее зовут!

Кларисса знала всех в высшем обществе, но с миссис Пэкстон была лишь едва знакома; они вращались в разных кругах — и не только потому, что Кларисса, как вдова графа, занимала более высокое положение. Просто она предпочитала собеседниц, интересовавшихся такими вопросами, как, например, политика или литература. А миссис Пэкстон была мелкой сплетницей — такая могла говорить только о моде или пе-

ремывать косточки несчастным, которым не повезло привлечь ее внимание. Ее дочь недавно обручилась с герцогом Уиттингемом (Кларисса несколько дней назад видела объявление в газете).

Направляясь к выходу, Кларисса нахмурилась, кое-что припоминая. Кажется, у миссис Пэкстон была еще и старшая дочь... Вернее — падчерица, дебют которой состоялся семь или восемь лет назад. Мисс... Аврора Пэкстон. Да-да, миловидная девушка с блестящими черными волосами и сверкающими карими глазами, одна из редких девушек, наделенных и красотой, и умом. Несмотря на более чем скромное приданое, у нее было множество поклонников. И кстати, девушка была не лишена благородства. Клариссе вспомнился случай на балу, когда другая дебютантка оступилась и упала. Тогда мисс Пэкстон первой бросилась ей на помощь; а потом довольно долго дружелюбно болтала с ней, помогая оправиться от смущения.

Мисс Пэкстон получила много брачных предложений. Но тогда, в самый разгар сезона, что-то произошло... Девушка оказалась втянутой в скандал с иностранным дипломатом, и общество отвергло ее — за безрассудство. Кларисса больше ее никогда не видела.

Куда же подевалась мисс Пэкстон? И как она сейчас живет? Неужели осталась старой девой?

Кларисса невольно вздохнула. Учитывая свой собственный опыт с мачехой... Ох, она не могла не сочувствовать этой девушке. Она ведь прекрасно знала, каково это — быть нелюбимой, нежеланной, брошенной... Давным-давно, после смерти своего вполне обеспеченного отца, Кларисса была отправлена мачехой на кухню, где работала наравне с прислугой. Однажды в заднюю дверь постучалась нищая цыганка. Кларисса пожалела ее, накормила горячей едой и за это получила пару волшебных туфельек, которые должны

были привести их обладательницу к настоящей любви. Туфельки сработали. С тех пор Кларисса уверилась, что ее миссия — помогать достойным девушкам в трудных ситуациях.

И следовательно, мисс Аврора Пэкстон — идеальная кандидатка. Надо было только поговорить с ее мачехой и узнать, куда подевалась падчерица.

Кларисса поспешила на улицу. Тяжелые темные тучи плевались ледяными каплями. В столь поздний час на улице было немногочленно. Мимо проехало несколько наемных экипажей. Двое или трое припозднившихся работников спешили по домам. Магазины уже закрывались на ночь. По тротуару медленно шел фонарщик, зажигающий газовые фонари, золотистый свет которых с трудом пробивался сквозь вечернюю мглу.

Кларисса осмотрелась, но Китти Пэкстон нигде не было видно. Пожав плечами, Кларисса подошла к своему экипажу, стоявшему рядом. Кучер сидел на козлах, кутаясь в пальто. Другой слуга стоял у дверцы экипажа. Увидев хозяйку, он расправил плечи, выпрямился и замер. Остановившись рядом с ним, Кларисса спросила:

— Харгрив, ты видел женщину, только что вышедшую из банка?

— Да, миледи.

— Куда она делась? Здесь больше нет ни одного экипажа!

— Она ушла пешком.

— Пешком? Здесь? — Но почему? Ведь миссис Пэкстон, наверное, не бедствует...

— Да, миледи. Она завернула за угол. — Слуга кивнул головой, указывая направление. — Мне пойти за ней?

— Да, Харгрив. И я пойду вместе с тобой, — добавила Кларисса.

И они зашагали по тротуару. Харгрив был не только дворецким Клариссы, но и ее доверенным лицом; она всегда брала его с собой в банк (он раньше служил в армии, поэтому выполнял обязанности ее телохранителя, а иногда даже шпиона. На этого человека можно было положиться).

Но почему же миссис Пэкстон так легкомысленно ведет себя? Ей следовало бы знать, что в этом районе ходить в темноте небезопасно. В городе полно грабителей. Клариссе хотелось убедиться, что с женщиной все будет в порядке.

Они свернули за угол. На боковой улочке клубились тени. В ее дальнем конце виднелся экипаж, — возможно, принадлежавший миссис Пэкстон. Но где же она сама? Ее нигде не было видно.

— Мы, должно быть, ее упустили, — со вздохом пробормотала Кларисса; ей очень хотелось что-нибудь узнать о судьбе мисс Авроры, падчерицы миссис Пэкстон.

— Вон там... — тихо проговорил Харгрив. — За кустами...

Кларисса кивнула, прищурилась — и действительно разглядела под деревом женскую фигуру. Хвала острому зрению Харгрива!

А потом они увидели, как миссис Пэкстон наклонилась и сунула что-то под куст; причем даже в темноте был виден тусклый блеск маленькой золотистой коробочки. После чего, не оглядываясь, женщина поспешила к экипажу, который тут же тронулся с места.

— Что происходит? — удивилась Кларисса. — Это, должно быть, ее бриллиантовое ожерелье. Кажется, я узнаю коробочку... — О, как интересно! С какой стати миссис Пэкстон оставила на улице под кустом совсем не дешевое украшение? Что за шпионские игры? И почему она так странно вела себя в банке?

Внезапно возле соседнего здания показалась закутанная в плащ фигура. Харгрив тотчас схватил хозяйку за руку и увлек в ближайшую подворотню.

— Он украл драгоценность! — воскликнула Кларисса, когда незнакомец скрылся из виду.

— Нет. — Харгрив покачал головой. — Она оставлена для него. Возможно, это плата.

— Ты имеешь в виду... шантаж?

— Не исключено. Должен ли я пойти за ним, миледи?

Кларисса ненадолго задумалась. Интересно, с какой интригой они столкнулись?

— Нет, Харгрив, не стоит. Мы не станем вмешиваться. Лучше я завтра заеду к миссис Пэкстон и выясню, что смогу. — Возможно, ей удастся воспользоваться этим случаем, чтобы вернуть в Лондон мисс Аврору Пэкстон.

Глава 2

Слухи и сплетни живут своей собственной жизнью и не обращают ни малейшего внимания на жизни, которые они разрушают.

Мисс Селлани

— Аврора Анна Пэкстон, подожди! Мы не должны это выбрасывать! — раздался за спиной Рори резкий скрипучий голос.

Рори только что спустила с чердака тяжеленную старую прялку. Поставив ее на ступеньку, она обернулась и увидела тетю Бернис, быстро шагавшую по коридору.

Тетя Бернис, должно быть, всерьез расстроилась — иначе не назвала бы Рори полным именем.

Они все утро проводили весеннюю уборку чердака и при этом разыскивали вещи, которые можно было бы пожертвовать для благотворительной распродажи в деревенской церкви (однако же, хотя они трудились уже несколько часов, гряда старья у двери оставалась при-скорбно маленькой).

Бернис никогда ничего не выбрасывала. Изношенные нижние юбки разрезались на носовые платки и тряпки для вытирания пыли. Свечные огарки расплавились для новых свечей. Сломанные стулья и полки отправлялись на дрова. Бережливость являлась неотъемлемой частью ее характера. Этой высокой сухопарой женщине, всегда одетой в платье из дешевой черной хлопчатобумажной ткани и белый вдовий капор, закрывающий седые волосы, стянутые в пучок на затылке, было пятьдесят восемь лет. Несмотря на свой почтенный возраст, она была сильна, как мул. И так же упряма.

Рори сразу же распознала решимость на морщинистом лице тетушки. Но она любила тетю и потому, как всегда, призвала себя к терпению.

— Ее не стоит больше хранить, тетушка. — Рори указала на отвалившуюся педаль прялки. — Сломалась, видишь?

— Ее наверняка можно починить.

— Подумай о расходах, тетя. Жалко будет выложить кругленькую сумму за ремонт. Мне даже думать не хочется, сколько он может стоить.

— Расходы? Я не собираюсь ничего платить. Попрошу Мердока на нее взглянуть. Не сомневаюсь, он легко все исправит.

Мердок был их подручным, садовником, иногда дворецким — в общем, на все руки мастером. Но, увы, Бернис переоценивала его возможности. Этот дряхлеющий старик испытывал пламенную любовь к рому и прово-

дил все вечера, подремывая в кладовой или в садовом сарае. И потому было ясно: если не удастся отделаться от сломанной прялки немедленно, то она украсит собой изрядную груду всевозможных обломков, дожидавшихся ремонта в подвале.

И Рори, не имевшая ни малейшего желания перетаскивать старый хлам с одного места на другое, вела постоянную борьбу с тетушкой, не позволяя ей накапливать мусор (разумеется, это были не открытые боевые действия, а деликатные дипломатические переговоры).

— Церкви очень нужны вещи для благотворительной распродажи, — гнула свою линию Рори. — Мы же должны внести свою долю на ремонт крыши, верно? — Она старалась сыграть на бережливости тетушки. — Хотя... Возможно, ты предпочтешь внести денежный взнос...

Упоминание о деньгах тотчас сработало.

Шумно выдохнув, тетя заявила:

— Что ж, думаю, мы сможем обойтись без этой вещицы. Хотя... Ведь у нас могла бы быть и собственная пряжа... — Она с надеждой взглянула на лестницу, ведущую на чердак. — А может, там где-нибудь завалялся ткацкий станок?..

— Нет-нет, ничего подобного там нет, — поспешно ответила Рори.

О господи, прясть и ткать — это уже слишком. Чтобы отвлечь тетушку от подобных мыслей, она добавила:

— Помоги мне, пожалуйста, спустить это вниз. Очень уж тяжелая штука...

Рори ухватилась за один край прялки, а ее тетя — за другой, и они вместе снесли тяжелую и неудобную конструкцию вниз по лестнице; при этом старались не задеть обшитые панелями стены и древние перила.

«Хорошо бы, конечно, иметь несколько новых платьев, — размышляла Рори. — Но все-таки не из грубого

домотканого полотна». Она недавно начала пытаться зарабатывать карманные деньги на обновление своего изрядно поношенного гардероба, но дело шло очень медленно. И было ужасно тоскливо... Ей не хватало походов по лондонским магазинам, покупок шелка и муслина, шляпок, украшенных перьями, и сатиновых туфельек. Впрочем, она всячески гнала от себя подобные мысли.

Рори подавила вздох сожаления. Что ж, та жизнь закончилась. Нет никакой необходимости следовать моде, если ты вынуждена жить в крошечном домике на пустынном побережье Норфолка. Она латала, подшивала и перешивала свои платья, оставшиеся с того дебрятного сезона, когда ее застали в объятиях потрясающе красивого итальянского дипломата. И она все еще досадливо морщилась, вспоминая свою тогдашнюю наивность. Ведь она искренне поверила его цветистым заверениям в вечной любви...

От невеселых мыслей Рори отвлек громкий стук в дверь, от которого, казалось, закачались старые картины, висевшие на стенах.

Тетя Бернис закричала и проворчала:

— Проклятье... Кто это может быть? — При этом она выпустила ту часть прялки, которую держала.

Рори тут же поспешила помочь тетушке. Подхватив тяжеленную деревянную конструкцию, она занозила палец и поморщилась от боли, но тем не менее прялка была благополучно спущена по лестнице и заняла почетное место среди груды другого старья.

— Но кого это к нам занесло? — Бернис покосилась на дверь, затем взгляд ее карих глаз переместился на племянницу. — Что с тобой? Ты поранилась?

Рори взглянула на свой пострадавший палец. На нем выступила капелька крови.

— Заноза, только и всего.

— Совсем как Спящая красавица. — Несмотря на свою суровую внешность, Бернис была равнодушна к романтическим сказкам. — Что ж, возможно, это все объясняет.

— Что объясняет?

— Явился зачарованный принц, чтобы подарить тебе поцелуй.

— Если ты имеешь в виду мистера Несбитта, то я очень надеюсь, что нет.

— Даже не представляю, кто еще возьмет на себя труд пройти три мили от деревни, чтобы нанести нам визит.

Бернис окинула племянницу пытливым взглядом, и та, нахмурившись, заявила:

— В прошлое воскресенье, после церкви, я прямо... ну, почти прямо сказала ему, что меня не интересуют его ухаживания. Он для меня слишком молод.

— Всего на четыре года моложе. Пусть мистеру Несбитту всего двадцать два, но он довольно привлекателен внешне. Кроме того, он владеет тремя сотнями акров превосходной земли. Если ты не ухватишься за него, это сделает другая девушка.

Мистер Несбитт действительно был довольно симпатичным, приятным в общении и обеспеченным холостяком. В этом безлюдном уголке Англии с ним не мог сравниться никто. Но Рори с лихвой хватило приятных джентльменов в ее прошлой жизни.

— Жаль только, что у него все еще пушок на щеках, — пробормотала она. — К тому же, тетушка, меня вполне устраивает моя жизнь здесь, с тобой.

Бернис прищелкнула языком.

— Что ж, не могу отрицать, что ты целых восемь лет была моей самой доброй и преданной компаньонкой.

Но любой женщине нужен любящий муж. Ах, как жаль, что ты не встретила такого мужчину, как мой чудесный Олли...

Бернис полжизни провела на борту судна, странствуя по всему миру вместе с мужем-торговцем. Они прожили вместе много счастливых лет, привозя из путешествий всевозможные экзотические сувениры, которых теперь было в доме великое множество, — статуэтки и плетеные корзины, изготовленные аборигенами Канады, а также всевозможные деревянные маски из Африки. Когда же ее Оливер умер, Бернис поселилась в этом домике с видом на море, к которому была так привязана. И она не могла понять, как могла ее племянница отказаться от романтики в пользу написания нравоучительных размышлений о современном обществе.

— Муж не позволил бы мне писать, — сказала Рори. — А меня вполне устраивает роль некой мисс Селлани.

— Если мужчина тебя любит, он позволит тебе делать то, что ты захочешь. Кроме того, такая умная женщина, как ты, легко может обвести его вокруг пальца. Надо только немного постараться.

Рори когда-то достигла больших высот в искусстве флирта, но теперь подобные игры были давно забыты. Теперь она бы предпочла потолковать о том, почему образование женщин ограничивается шитьем, танцами и правилами этикета, в то время как мужчины могут изучать греческий язык и латынь, алгебру и географию. Лондонская газета «Уикли вердикт» недавно опубликовала несколько ее статей. Правда, оплата оказалась мизерной, однако Рори с удовольствием увидела свое имя в газете — мисс Селлани.

В дверь снова постучали, на сей раз еще громче.

— Я уверена, что это мистер Несбитт. Так может стучать только мужчина. — Бернис потянулась к племян-

нице и поправила воротник ее платья. — А ты выглядишь как посудомойка. Что он о тебе подумает?!

— Он подумает, что я занималась уборкой на чердаке. И еще — что ему следовало бы заранее предупредить нас о своем визите.

— Глупая девчонка. — Бернис вздохнула. — Беги наверх и переоденься в розовое платье.

— Нет. Ему придется принять меня такой, какая я есть. Если повезет, мой внешний вид отпугнет его навсегда.

Рори решительно прошагала к двери и распахнула ее. В дом тотчас ворвался порыв морского ветра, разметавший пряди ее волос. Но Рори не обратила на это ни малейшего внимания. Разинув рот, она в изумлении тарасилась на безупречно одетого лакея, стоявшего на ступеньке. Судя по его белому парикю и прекрасно сшитой темно-зеленой ливрее, он перенесся сюда прямо из дворца какого-нибудь герцога.

— Мисс Пэкстон? — произнес он.

— Да, а вы...

В следующее мгновение лакей низко поклонился и отступил в сторону. И только теперь Рори заметила стоявшую за его спиной элегантную даму, шагнувшую к порогу, — худощавую, в отделанной мехом накидке поверх шелкового платья цвета спелой сливы. Под шляпкой же, украшенной перьями белой цапли, сияло лицо необычайной красоты. Женщина явно была не молодая, однако определить ее возраст было бы затруднительно. Фиалковые глаза красавицы обрамляли длинные изогнутые ресницы, и весь ее облик казался верхом совершенства — она словно излучала завораживающее очарование, не имевшее времени.

Рори в растерянности заморгала, внезапно вспомнив имя из далекого прошлого. Да-да, как ни странно, но она узнала гостью.